

Хайди накрыла на стол ещё до их возвращения. В столовой на белоснежной скатерти ждали свежее испечённый пшеничный хлеб, икра, джемы, нежный гусиный паштет, а также вино и пиво.

Карл, едва завидев это изобилие, восторженно охнул. Похоже, лучшего выбора, чем эта экономка Сириэля, и представить было нельзя.

Окончив ужин, все трое перебрались в гостиную. Рассевшись в глубоких креслах, они лениво наслаждались покоем. На книжных полках вдоль стен теснились тома — по большей части бесполезные, служившие скорее украшением интерьера. Карл, впрочем, за всё время пребывания в доме даже не удосужился подойти к ним, не то что перелистывать.

Сириэль по-прежнему не выпускал из рук ту самую увесистую книгу. Когда Карл поинтересовался её содержанием и узнал, что это всего лишь свод правил Академии Франкц вперемешку с её историей, он мгновенно утратил к фолианту всякий интерес.

Лизи первой покинула компанию, поднявшись на второй этаж. Вскоре заскучал и Карл — пожелав Сириэлю доброй ночи, он тоже отправился к себе.

Закончив уборку на кухне, Хайди вышла к хозяину.

— Вы ведь понимаете, — негромко произнесла она, — что служанкам не положено посещать лекции.

Сириэль лишь равнодушно пожал плечами:

— Я выправлю тебе внутреннее удостоверение сотрудника Академии. Его будет достаточно, чтобы ты могла беспрепятственно ходить в библиотеку.

Хайди прижала руки к переднику и глубоко поклонилась.

— Я поняла. Благодарю.

— Вот и славно. Доброй ночи, Хайди, — Сириэль отложил книгу и тоже поднялся в свою спальню.

Хайди, взяв медный подсвечник, один за другим погасила светильники в коридоре второго этажа. Затем спустилась, выключила люстру в гостиной и, освещая себе путь дрожащим огоньком свечи, медленно ушла в свою комнату.

Сириэль спал спокойно, хотя даже во сне в нём жила обострённая бдительность.

Порой память напоминает спутанный клубок: стоит потянуть за одну ниточку, как наружу вырывается всё остальное, цепляясь друг за друга. Сны посещали Сириэля редко, но сегодня, разбережённые встречей с наставником Баритуа, воспоминания явились к нему сами.

В его сне Дань Цюшуй прижимал его к себе. Грязь с одежды маленького Сириэля липла к чистой, мягкой ткани одеяния учителя, оставляя на ней причудливые тёмные пятна. Глядя на эти следы, мальчик вспыхнул от стыда. Его захлестнуло чувство неловкости, почти невыносимое.

До того как попасть в руки Баритуа, маленький Сириэль бродяжничал. Он часто видел знатных дам и господ, но те лишь с отвращением зажимали носы и обходили его за версту, словно он был разносчиком чумы. Тёплых объятий, человека, который бы не побрезговал им... в его памяти такого не было никогда.

Мальчик не удержался и приник головой к груди Дань Цюшуй. Он коснулся шеи наставника жесткими волосами, вызывая щекодку. Тот ласково погладил ребёнка по голове, и Сириэль тут же замер, не смея больше шелохнуться от смущения.

В лесу, за самой Академией Франкц, директор Дэмпис позволил Дань Цюшую построить небольшую хижину. Там он и жил.

Миновав изгородь, Дань Цюшуй внёс мальчика в дом и усадил в кресло. Сириэль всё ещё чувствовал себя не в своей тарелке. Он никогда не бывал в таких чистых местах и порывался вскочить, лишь бы не запачкать сиденье. Он затравленно смотрел на спасителя, но тот лишь мягко произнёс: «Подожди меня здесь», — и вышел.

Вскоре Дань Цюшуй вернулся и перенёс его в другую комнату, где стояла большая деревянная лохань, полная горячей воды. Усадив мальчика на скамеечку, он принялся стягивать с него лохмотья.

— Нужно вымыться, — сказал он. — Ты похож на маленького грязного котёнка.

Сириэль, хоть и робел, беспрекословно подчинился. Рассудительный не по годам, он интуитивно чувствовал: чтобы выжить и получить защиту, нужно быть покорным.

Вода в лохани отливала нежной зеленью — видимо, наставник что-то в неё добавил. Сцена показалась Сириэлю болезненно знакомой: Баритуа, испытывая на нём зелья, тоже вечно окунал его в странные чаны, приносившие лишь муку. Однако мальчик решил терпеть. Он не сопротивлялся, когда Дань Цюшуй опустил его, нагого, в воду.

Всё тело ребёнка было покрыто старыми и свежими ранами — зрелище, от которого сжималось сердце. Дань Цюшуй невольно стал действовать ещё осторожнее.

Оказавшись в воде, маленький Сириэль по привычке крепко закусил губу и опустил голову. Золотистые волосы прядями облепили его лоб. Но боль не пришла. Напротив, стало удивительно легко — словно некая чудесная сила через воду просачивалась в раны, заставляя ссадины и синяки исчезать на глазах.

Мальчик во все глаза смотрел на это чудо. Когда Дань Цюшуй принялся обтирать его мягкой тканью, Сириэль робко ухватился за два его пальца.

— М? — отозвался тот.

— Господин... вы алхимик? — прошептал ребёнок.

Дань Цюшуй высвободил руку и продолжил мыть его костлявое тельце.

— В некотором роде, — ответил он и тихо спросил: — Малыш, а как тебя зовут?

Сириэль поник.

— У меня нет имени. Все звали меня выродком, убудком или уродом. Никто не давал мне имени.

В его голосе звучала неподдельная горечь. Будучи полукровкой с неизвестным прошлым, он привык быть ненужным и презираемым.

— Вот как, — Дань Цюшуй на мгновение задумался. — Что ж, тогда отныне тебя будут звать Питером.

В груди у Сириэля словно расцвели невидимые огни — было и сладко, и больно одновременно. Он давно приучил себя к мысли, что такие, как он, заслуживают лишь окриков, но в глубине души всегда жаждал имени. Жаждал того, кто полюбит его и защитит.

— Питер... — едва слышно повторил он.

Дань Цюшуй тем временем принялся намыливать ему голову.

— Всех Питеров ждёт добрая судьба, — с улыбкой добавил он.

«Добрая?» — эхом отозвалось в мыслях ребёнка.

Когда влажная ткань наконец коснулась его лица и смыла грязь, мальчик преобразился. Огромные сияющие глаза, точёный носик — его черты были безупречны. Но страх не уходил,

Сириэль даже затаил дыхание. Несмотря на доброту наставника, он по привычке пытался спрятать левую сторону лица, изуродованную язвами.

Дань Цюшуй действовал бережно, стараясь не задевать воспалённую кожу. Окончив мытьё, он вытащил мальчика из воды и, за неимением детской одежды, укутал в свою собственную просторную мантию. Снова оказавшись в кресле, Сириэль чувствовал себя так, словно все объятия, которых он был лишён с рождения, были отданы ему в этот единственный день.

Затем Дань Цюшуй принёс сияющий медный таз и достал странный флакон. Он вытряхнул оттуда круглую пилюлю, которая мгновенно растворилась в воде. По поверхности пошли изумрудные круги, и вода окрасилась в нежно-зелёный цвет. Сириэля снедало любопытство, но он помалкивал, стараясь казаться как можно послушнее — он знал, что кротость помогает завоевать расположение сильных.

Наставник прикоснулся ладонью к его щеке, а другой рукой осторожно прижал к ранам смоченную в лечебном растворе ткань. Мальчик инстинктивно напрягся, он не мигая смотрел в глубокие, тёмные глаза учителя.

— Не бойся, — успокоил его Дань Цюшуй. — Тебе станет легче.

Прикосновения были невесомыми, точно дуновение ветерка. Тепло медленно впитывалось в кожу, унося с собой нестерпимый зуд и жгучую боль. Когда Дань Цюшуй смыл сукровицу и кровь, раны уже не выглядели столь пугающими.

— Ну как? Лучше?

Сириэль молчал. Ему казалось, что за сегодня он увидел уже слишком много чудес. Он и мечтать не смел, что уродливое клеймо на его лице, бывшее источником вечных мук и ночных кошмаров, может перестать болеть. Это было чувство невообразимой лёгкости — словно задышавшемуся человеку внезапно позволили вдохнуть полной грудью.

— Спасибо вам, господин!

— Ну-ну, Питер, не стоит благодарностей. Ты голоден?

Потом был самый вкусный ужин в его жизни — после него любые изыски казались Сириэлю пресными.

В ту первую ночь у мальчика появилась своя одежда и мягкая постель. Теперь он был почти уверен: Дань Цюшуй действительно хочет оставить его себе и, в отличие от прочих, не питает ненависти к его происхождению. От этой мысли Сириэль не знал, куда деться от счастья.

Это казалось слишком неправдоподобным, слишком похожим на сказку. «Как мне могло так

повезти?» Судьба никогда не предупреждает о своих поворотах. Лежа в мягкой постели, мальчик чувствовал себя так, словно провалился в облака — в этом полузабытьи реальность мешалась со сном.

«Правда ли это? Неужели меня действительно забрал к себе господин?»

Маленький Сириэль босиком встал на деревянный пол — царапины на ногах уже затянулись. Он толкнул дверь своей комнаты. Он знал, что спальня Дань Цюшуя находится в левой части дома. Мальчик замер на пороге, не понимая, почему не может просто лечь и уснуть. Зачем он пришёл сюда посреди ночи?

Он опустился на корточки у двери. Здесь не было вони гниющих трав, не было костей и склянок с глазами. Всё вокруг дышало покоем, а значит, это не могло быть ложью. Когда слишком долго пребываешь в аду, начинаешь сомневаться, что рай существует на самом деле.

Раздался негромкий скрип — дверь внезапно отворилась. Сириэль отшатнулся и упал, привалившись головой к коленям Дань Цюшуя. В проём лился лунный свет, и в этом призрачном сиянии он видел ночной ветер, играющий волосами наставника, и край его светлых одежд. Своего самого дорогого Шицзуня.

Сириэль вздрогнул и открыл глаза. Сон оборвался. В его разноцветных глазах застыла горькая тоска. Он вспомнил: после той ночи Шицзунь, кажется, что-то превратно понял — и с тех пор всегда забирал маленького ученика в свою комнату, укладывая рядом с собой.

<http://bllate.org/book/17553/1709258>